

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУССКИЕ ГРАМОТЫ ИЗ ВАТИКАНСКОГО АРХИВА

В 70-х годах XV в. папа Сикст IV перенес часть Ватиканского архива (ценные грамоты и документы) в укрепленную крепость — замок св. Ангела, соединенный с ватиканскими дворцами подземным переходом. В Ватикане были оставлены копии передаваемых документов. То была вынужденная мера предосторожности: тогда Рим часто становился объектом грабежа своих и чужеземных кондотьеров. Так было положено начало архиву в замке св. Ангела, просуществовавшему до 1798 г., когда он был возвращен в Ватикан. К концу XIX в. собрание насчитывало около 7800 единиц хранения. Большая часть этого фонда является, по сути дела, дипломатическим архивом, отражающим отношения папского престола с различными государствами. В Ватиканском архиве, в фонде «Archivum Arcis», поступившем из замка св. Ангела, хранятся, в частности, 4 публикуемые ниже русские грамоты.

1. Послание Василия III римскому папе Клименту VII

Эта грамота датирована декабрем 1526 г. и по содержанию является посольской верительной грамотой¹. Написана она на 2 листах бумаги. На лицевой стороне первого листа после заголовка «Клименту папе, пастырю и учителю римские церкви» помещен текст: «Великий государь Василей божею милостью царь, и государь всеа Руси и великий князь, Володимирский, Московский, Нюгородцкий, Псковский, Смоленский, Тферский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский, и иных государь всеа Руси, великий князь, Новагорода, Низовские земли, и Черниговский, Рязанский, Волотцкий, Ржевский, Бельский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и иных, послали есмь к тебе послов своих ближних своих людей, Еремея Матфеева сына Трусова да диака своего Тимофея Семенова сына Лодыгина, и что тебе от нас учнут говорить, и ты им верил, то есть наши речи, писано в нашем государстве, в нашем граде Москве, лета 7035, декабря».

На бумаге просматривается водяной знак — гербовый щит, увенчанный короной с тремя лилиями, а на самом щите видны тоже три лилии. Он близок по рисунку к филиграни бумаги, выпускавшейся во Франции в 1523 году². В верхней части оборотной стороны листа стоит хорошо сохранившаяся печать: красный воск, наложенный прямо на бумагу грамоты, сверху покрытый небольшим ромбом тонкой бумаги, на которой сделан оттиск. На нем изображен всадник в плаще, колющий копьем дракона. Рисунок, надпись и размер печати соответствуют печати, приложенной к грамотам Василия III от 1514, 1523, 1530, 1531 гг., которые сохранились в Посольском архиве России³. На лицевой стороне второго листа помещен латинский перевод верительной грамоты, которому предшествует адрес: «Святейшему папе Клименту, пастырю и учителю Римской церкви». В конце перевода стоит дата, выраженная латинскими цифрами. Латинский текст написан минускулом.

Обращение к папе как к «пастырю и учителю Римской церкви» типично для всех посланий московских государей в Рим на протяжении XV—XVI вв. начиная с

¹ «Archivum Segretum Vaticanum» (ASV). Archivum Arcis, arm. I—XVIII № 4311.

² С. М. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. T. I. Genève. 1907, № 1706.

³ «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел». Ч. I. М. 1813, стр. 413, 437, 427, 448.

Ивана III⁴. Оно отличается некоторой сдержанностью по сравнению с пышными титулами в посланиях к папе других европейских правителей, где папа обычно именуется «святейшим и блаженнейшим отцом во Христе, главой священной Римской и вселенской церкви, великим понтификом». Подлинник грамоты 1526 г. до сих пор не публиковался. Известна лишь публикация копии ее латинского перевода, осуществленная И. И. Григоровичем в 1834 году⁵. Последний сообщает, что текст грамоты 1526 г. вместе с другими документами был прислан канцлеру Н. П. Румянцеву М. Шtrandманом, которому было поручено выявление памятников по русской истории в Риме. Найдена же была эта грамота в «Барберинской библиотеке», то есть в частном собрании рукописей и печатных изданий во дворце князей Барберини, крупнейших римских нобилей. Барберинское собрание рукописей и книг было куплено в 1902 г. Ватиканом и составляет сейчас один из фондов Ватиканской библиотеки. В публикации И. И. Григоровича не было указано, написан ли текст грамоты на отдельном листке или обнаружен в составе какого-то сборника.

Тот факт, что подлинный русский текст верительной грамоты, скрепленный великокняжеской печатью, хранился в замке св. Ангела, откуда и перешел в Ватиканский архив, а не в библиотеке Барберини, где проводил свои изыскания М. Шtrandман, свидетельствует о том, что И. И. Григоровичем была опубликована копия латинского перевода. Этот перевод в издании И. И. Григоровича совпадает в целом с текстом грамоты, которая хранится в Ватиканском архиве, но при передаче его допущена неточность: у И. И. Григоровича обращение к папе начинается со слова «se-nissimo», то есть «светлейшему», а так могли обращаться только к светскому правителю; в подлиннике же, как в самом обращении, так и в адресе, стоит «sanctissime» — «святейший», как и было положено именовать главу римской церкви. Имеются и другие расхождения с оригиналом. Например, в подлиннике говорится: «И что тебе от нас учнут говорить, и ты им верид, то есть наши речи», — а у И. И. Григоровича — «и что станут они, от нашего имени, вашему святейшеству говорить, да верите речам их: ибо наши дела им поручены»; в подлиннике — «писано в нашем государстве, в нашем граде Москве», у И. И. Григоровича — «писано в нашем государстве, в престольном граде Москве»⁶.

Можно предположить, что копии русских грамот были сделаны при одном из пап или кардиналов из семьи Барберини для служебной надобности. В связи с приездами русских послов в 1673 и 1703 гг. папская канцелярия запрашивала из архива замка св. Ангела данные о дипломатической переписке с московскими государями на протяжении XVI—XVII веков⁷. Сводка этих материалов была, в частности, подана и кардиналу Карло Барберини, во дворце которого 16 августа 1703 г. обсуждался вопрос о возобновлении дипломатических отношений с Русским государством. О посольстве, отправленном Василием III в Рим к Клименту VII, имеется известие в Воскресенской летописи под 7035 (1526) г.: «...а к папе послал Еремеа Трусова да Шарала Лодыгина»⁸. Аналогичная запись присутствует в Никоновской и Львовской летописях⁹. Н. М. Карамзин, описывая события 1526 г., упоминает об отправке посольства в Рим, а в сноске поясняет, что бумаги этого посольства утрачены¹⁰.

Какой же была цель этого посольства? Москва в 20-е годы XVI в. находилась в центре внимания дипломатии ряда европейских государств, пытавшихся вовлечь Русь в антитурецкую коалицию. В 1526 г. к Василию III начали прибывать послы из разных стран Европы. Первым приехал представитель германского императора Карла V, являвшегося одновременно и королем Испании, граф Леонард Ногарольский, а

⁴ См. послание Ивана III папе Иннокентию VIII в 1485 г. (Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России. Ч. II. М. 1896, стр. 233).

⁵ «Переписка пап с российскими государями в XVI веке». СПб. 1834, стр. 25, 26.

⁶ Там же.

⁷ Материалы об этом были найдены в Ватиканском архиве Е. Ф. Шмурло. См. «Россия и Италия». Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношения России с Италией, составленный Е. Ф. Шмурло. Т. III, вып. I, СПб. 1911, стр. 132, 135, 136, 175, 176.

⁸ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. 8. СПб. 1859, стр. 272.

⁹ ПСРЛ. Т. 13. СПб. 1904, стр. 45; т. 20, ч. I, СПб. 1910, стр. 404.

¹⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Кн. II, т. VII. СПб. 1842, стр. 88.

также посланец эрцгерцога австрийского Фердинанда барон С. Герберштейн. Послы намеревались выступить посредниками при заключении «вечного» мира между Василием III и Сигизмундом, королем Польским и великим князем Литовским. Вслед за этими дипломатами 20 июля 1526 г. прибыл и посол папы Климента VII епископ Джованни Франческо Читус¹¹. 14 октября последними приехали в Можайск, где Василий III принимал всех чужеземных посланцев, послы Сигизмунда — половецкий воевода Петр Кишка и Богуш Боговитинов. Выступая при переговорах с московским государем вместе с другими послами в интересах Литвы, которая хотела сохранить за собой Смоленск, папский делегат должен был выполнить и более важное поручение Климента VII — уговорить Василия III примкнуть к антитурецкой лиге, сколачивавшейся тогда в Риме, и еще раз поставить вопрос об унии православной церкви с католической. При этом папский легат делал вид, что на переговорах между Василием III и Сигизмундом он держит сторону Москвы¹².

Политическая ситуация в Европе была в то время крайне неблагоприятной для Папской области¹³. Главным соперником папы выступал император Карл V, который в своем стремлении подчинить всю Европу (в его руках были уже территории Германии, Австрии и Испании да еще заморские колонии) вел войну с королем Франции Франциском I, союзником папы. Одновременно с востока Папской области и союзным с нею государствам угрожали турки. Для противовеса действиям Карла V, а главное для отпора турецкой агрессии Климент VII стремился объединить Францию, Венецию и Милан под эгидой Рима.

С этими замыслами была связана и миссия епископа Читуса в Москву. Он был назначен на этот пост папской консисторией 13 октября 1525 г. и выехал из Рима в конце года вместе с находившимся в тех краях послом Василия III Дмитрием Герасимовым¹⁴. По заключении перемирия с Сигизмундом Василий III отпустил всех послов. С римским легатом, который так ничего и не добился от московского князя по главным для папы вопросам, были отправлены в декабре 1526 г. Е. М. Трусов и дьяк Т. С. Лодыгин. Василий III, видимо, возлагал на это посольство задачу содействовать оживлению торговых и культурных связей с Римом. Поэтому он направил вместе с дипломатами купца Алексея и поручил послам подобрать в Риме архитекторов и других мастеров для работ в Москве¹⁵. 15 февраля 1527 г. посольство прибыло в Краков, откуда направилось в Вену, где и узнало о событиях в Риме: Карл V бросил на Рим ландскнехтов во главе с победителем французского короля при Павии Шарлем, герцогом Бурбонским, подвергнувших город полному разорению. Папа укрылся в замке св. Ангела.

Об этом писали Василию III его послы к Сигизмунду окольникович Иван Васильевич Лятцкий и дьяк Елизар Цыплятьев, которые, приехав в Краков вслед за Трусовым и Лодыгиным, нашли их там вместе с папским послом: «Да говорили нам, государь, твои послы, которых еси послал к папежу в Рим, Еремей Трусов да Шарап Лодыгин, что, государь, папин посол, бискуп Ивашко Френчюшко, живет в Кракове, а к папе не идет. И мы, государь, о том посылали к бискупу Иванка Малого; и бискуп нам, государь, отказал, что цесарский и брат его архидуха Фердинанд и король чешский валчат с папежом и ему для тех валок до Рима пройти нелзе»¹⁶. До конца года послы оставались в Венеции, потом перебрались в Анкону, куда папа направил к ним переводчика, епископа Кьерикати, сопровождавшего также посольство Дмитрия Герасимова. Из Анконы посольство переехало в г. Орвьето, где к тому времени обосновался папский двор, перебравшийся из Рима. В январе 1528 г. в Орвьето русские послы были представле-

¹¹ В Никоновской летописи он назван «Иван Френчюшков бишуп» (ПСРЛ. Т. 13, стр. 45). О прибытии послов см. «Сборник Русского императорского исторического общества» (Сб. РИО). Т. 35. СПб. 1882, стр. 710—717; P. Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*. T. I. P. 1896, pp. 303—304.

¹² P. Pierling. *Op. cit.*, pp. 305—306.

¹³ О политике папы Климента VII (1523—1537 гг.) см.: L. Pastor. *Storia dei papi*. Vol. IV, pars I. Roma. 1936; P. B a d a n. *Clemente VII e l'Italia dei suoi tempi*. Modena. 1887.

¹⁴ P. Pierling. *Op. cit.*, pp. 296—299.

¹⁵ *Ibid.*, p. 307.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 35, стр. 749—750.

ны папе¹⁷. На обратном пути посольство опять остановилось в Венеции, где Трусову был оказан любезный прием и помощь в поиске опытного литейщика пушек для отправки в Москву. При папском же дворе русскому послу не смогли активно подействовать в отборе мастеров из-за страшного разорения, которому в то время была подвергнута Папская область¹⁸. Когда и как вернулись послы из Италии в Москву, имеющие источники не сообщают.

2. Грамоты, связанные с проездом через Русское государство папского посла в 1677 году

Три другие русские грамоты из Ватиканского архива связаны с проездом через территорию России папского посла епископа Франциска в 1677 году. Первая из них, написанная на бумаге без водяных знаков, датирована 4 января 1677 года¹⁹. Вот ее содержание: «По государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца указу от Астарахани до Черного Яру, и до Парицына, и до Саратова, и по украинным городам до Москвы по ямам и ямщиком, а где ямов нет всем людям без омены, чей кто-нибудь, чтоб есте давали папы римского Клементия послу Фрянжизу Бискутову со всеми ево людьми шесть подвод с саньми, и с хомуты, и с проводники везде, не издержав ни часу, без прогонов. Отпущены они к великому государю к Москве. К сей подорожной великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца, печать царства Астараханского okolничей и воевода князь Костянтин Осипович Щербатой приложил. Лета 7185-го, генваря в 4 день»²⁰. На оборотной стороне грамоты в верхней ее части стоят три слова: «Дьяк Семен Румянцов». В правом нижнем углу тем же почерком, что и вся грамота, но более витиевато, сделана приписка: «Писал Никитка Протопопов». Грамота написана скорописью. В нижней части грамоты с правой стороны приложена печать черного воска (с оборотной стороны к этому месту прикреплен четырехугольный кусок бумаги). Сохранилась верхняя часть печати с хорошо различимым оттиском короны. Подобная корона имеется на большой государственной печати царя Федора Алексеевича. Она расположена сверху, между головами двуглавого орла.

Вместе с подорожной грамотой хранятся две расписки ямских старост, которые тоже, очевидно, были приложены к отчету, поданному послом в папскую канцелярию. Первая из них имеет текст на лицевой стороне: «185-го марта в 20 день, касимовского яму емской староста Иван Петров сын Демирин принел в Касимове от Касимова до Володимера по астраханской подорожной папы римского Клементия у посла Фрянжиза Бискутова на шесть подвод против великого государя указу и грамот по семи алтын на подводу. В том я, староста, и росписку дал. А росписку писал касимовские площади подьячей Ивашка Микитин». Текст оборотной стороны гласит: «К сей росписке касимовской емщик Микитка Архипов вместо емскаго старосты Ивана Демирина по ево вельню руку приложил»²¹. Во второй расписке читаем: «185-го марта, в 22 день, володимерского яму ямщик и староста Сергей Максимов с товарищи взяли мы по астраханской подорожной у папы римского у Клементия послу Фрянжиза Бискутова и у всех ево людей прогонных денег на шесть подвод от Володимера до Москвы на подводу по семи алтын. В том им и росписку дали, а росписку писал володимерского яму дьячек Васка Офонасьев по вельню старосты и мирских людей»²².

О проезде этого посольства повествует одно из дел Посольского приказа²³. В нем имеется отписка астраханского воеводы и окольничего К. О. Щербатова. Воевода докладывает о приезде в Астрахань 26 июля 1676 г. папского посла Франциска и о том, что посол просит разрешения ехать через Москву. В одной памятной записке сообщается о решении пропустить папского посланника через русскую территорию. Дело этого посольства было передано из Казанского приказа (в компетенцию которого входила

¹⁷ P. Pierling, Op. cit., p. 309.

¹⁸ Ibid., pp. 309—310.

¹⁹ ASV, Archivum Arcis, arm. I—XVIII, № 767.

²⁰ Далее строка закрыта печатью.

²¹ ASV, Archivum Arcis, arm. I—XVIII, №№ 769, 769 г.

²² Ibid., № 768.

²³ ЦГАДА, ф. 78, оп. 1, д. 12.

выдача разрешений на проезд в Персию через Астрахань) в Посольский. В выписке из польских книг последнего упоминается о подобных же прецедентах при Иване III.

Последние два документа из Ватиканского архива — черновик царского указа смоленскому воеводе князю Михаилу Ивановичу Лыкову о разрешении на проезд папского посла и черновик указа судье Ямского приказа окольным Григорию Никифоровичу Собакину об отпуске посла и о подорожной.

Документы ЦГАДА и грамоты Ватиканского архива восстанавливают картину этого посольства. 26 июля 1676 г. в Астрахань приехал папский посол епископ Франциск в сопровождении 6 чел. и толмача. Целью его поездки в Персию были переговоры с шахом от имени папы римского, германского императора, короля Франции и правителей Венецианской республики по поводу совместной борьбы против турок. 25 сентября 1676 г. следует указ Федора Алексеевича о том, чтобы разрешить послу проехать до Москвы и обеспечить его судами с кормщиком и гребцами, а затем ямскими подводами. Посольству было назначено государево жалование на 6 недель, начиная с 26 декабря. Из документов Ватиканского архива следует, что Франциск, получив 4 января 1677 г. в Астрахани подорожную грамоту на проезд по ямским станциям, 20 марта был в Касимове, а 22 марта выехал из Владимира в Москву. 30 марта в Москве он получил разрешение на проезд через Смоленск. Во всех документах Франциск назван послом папы Климента X (который умер 22 июля 1676 г.), ибо весть о его смерти и об избрании папой Иннокентия XI еще не дошла до России. И письмо астраханского воеводы, хранящееся в Москве, и подорожная грамота, выданная астраханской канцелярией римскому послу и привезенная на берега Тибра, писаны Никитой Протопоповым.

Любезный прием, оказанный папскому посланнику, объясняется возобновлением в те годы дипломатических контактов между Москвой и Римом. В августе — сентябре 1673 г. в Риме находился посол царя Алексея Михайловича Павел Менезий, который вел длительные переговоры с Ватиканом²⁴. Поездка Менезия в Рим и в другие европейские столицы была связана с попытками Руси создать общеевропейскую коалицию против турок, так как после заключения в 1667 г. Андрусовского перемирия турецкий вопрос становился главным во внешней политике Русского государства. Правительство царя Алексея Михайловича старалось всячески расширить связи с Персией, видя в ней реального союзника в борьбе против Турции. Поэтому московское правительство благосклонно смотрело на неоднократные проезды римских послов в Персию через территорию Русского государства. Так, посольству Франциска предшествовало посольство двух доминиканских монахов, которые были посланы в Персию папой Климентом IX в 1668 году. В 1673 г. с ответом от шаха Сулеймана они вернулись через Москву в Рим почти одновременно с прибытием туда П. Менезия²⁵; в декабре 1677 г. через Москву возвращается из Персии польский посол Гурдецкий²⁶.

Интерес Рима к Персии, помимо торговых и миссионерских целей, объясняется также, как уже говорилось, стремлением привлечь Иран к коалиции против турок, что было важнейшей проблемой папской политики начиная с XV века. На протяжении 1676—1677 гг. папская канцелярия ведет интенсивную переписку по поводу Турции и, в частности, русско-турецких отношений. Письма в Рим идут от французского, польского и испанского королей, от венгерского примаса, от папского нунция из Варшавы, от краковского епископа, от французского посла в Стамбуле, от польского посла в Москве²⁷. Поездка римского легата в Иран в 1676—1677 гг., таким образом, была продиктована требованиями антисултанской политики папского престола. Это встретило благожелательное отношение и со стороны Русского государства.

Ю. П. Глушкова

²⁴ Н. В. Чарыков. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. СПб. 1906.

²⁵ Н. В. Чарыков. Указ. соч., стр. 195. Автор публикует интересный документ, найденный им в Ватиканском архиве, — «Настенные объявления в Риме от 9 сентября 1673 года», сообщение о приеме папою доминиканских монахов, возвратившихся из Ирана.

²⁶ Н. Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч. Ч. 3. М. 1897, стр. 151.

²⁷ A. Theiner. Monuments historiques relatifs aux regnes d'Alexis Michaelovitch, Féodor III et Pierre le Grand. Rome. 1859, pp. 99—121.